

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.07

А.В. ШАЛАК

УДК 94(571.5)

ББК 63.3(253)

КОЛЧАК И «СОЮЗНИКИ» В СИБИРИ: ОЦЕНКИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПОЛИТИКОВ

В статье рассматриваются работы известных политических противников большевиков Н.Д. Авксентьева, В.П. Зензинова, К. Гоппера, А.П. Будберга, К.В. Сахарова, Г.К. Гинса, Д.Ф. Ракова, в которых оценивается деятельность А.В. Колчака и его правительства. Их оценки имеют отношение к таким аспектам, как взаимоотношение Колчака с представителями «союзных» войск, реакция на военный переворот и провозглашение Колчака «Верховным правителем России», оценка его реальных возможностей и способностей, а также внутривнутриполитической ситуации в Сибири и на Дальнем Востоке. С точки зрения автора, эти оценки не противоречат выводам советской историографии. С учетом предпринимаемых попыток пересмотреть утвердившийся в историографии образ Колчака, предлагается оценивать его деятельность не столько с классовых позиций, сколько с историко-геополитических. С учетом роли иностранных государств в его политической биографии выбор в годы гражданской войны был не между красными и белыми, а между Россией и иностранной интервенцией. Изложенный подход позволяет рассматривать политическую деятельность А.В. Колчака в более широком контексте, оценивать его не столько с классовых позиций, сколько с позиций геополитических. В этом случае, критерием для оценки политика выступает деятельность по сохранению территориальной целостности и суверенитета государства.

Ключевые слова: Колчак, Сибирь, союзные войска, транспортные коммуникации, золотой запас.

A. V. SHALAK

KOLCHAK AND «THE ALLIES» IN SIBERIA: THE EVALUATION BY ANTI-BOLSHEVIK POLITICIANS

In his article, the author considers the works by the famous political opponents of Bolsheviks: N.D. Avksentiev, V.P. Zenzinov, K. Goppers, A. Budberg, K.V. Sakharov, G.K. Guins and D.F. Rakov, in which the activities of A. Kolchak and his government are evaluated. Their evaluation concerns such aspects as the interrelations between Kolchak and the representatives of the «Allies» army, the reaction to the coup and proclaiming him Supreme Governor of Russia, evaluation of his real possibilities and abilities and also of the internal political situation in Siberia and Far East. According to the author, this evaluation does not contradict the conclusions of Soviet historiography. Taking into account the attempts made

to re-examine the image of A. Kolchak consolidated in historiography, the author suggests one should evaluate his activities from the perspective of the historical-geopolitical approach rather than from the perspective of the class theory. Taking into consideration the role of foreign states in his political biography, his choice during the years of the Civil War was not between the Red and the White but between Russia and foreign intervention. The proposed approach allows us to consider the political activities of A. Kolchak in a broader context and to make judgment about him from the geopolitical perspective rather than from the perspective of the class theory. In this case, the criterion for evaluation of the activities of the politician are his actions aimed at the defense of the territorial integrity and sovereignty of the state.

Keywords: Kolchak, Siberia, allied troops, transportation lines, gold reserve.

Современные попытки реабилитации Колчака, стремление вернуть его образ в лоно сформированного пропагандистского мифа являются элементом информационной войны. «Верховным правителем» России являлся человек, который перешел на военную службу Великобритании. В пропагандистской брошюре о Колчаке, изданной летом 1919 г., об этом факте его биографии сообщалось почти как о героическом поступке: «Через английского посла в Токио он предложил свою шпагу английскому правительству. Английское правительство немедленно приняло это предложение и назначило его на Месопотамский фронт, куда он и отправился» [2, с. 36]. Позднее Колчак оправдывал свою теснейшую связь с интервентами в Сибири и на Дальнем Востоке тем, что возрождение российской государственности, восстановление вооружённых сил и открытие антибольшевистского фронта можно было осуществить только при содействии союзников.

Исходя из этого, рассматривать деятельность Колчака необходимо в более широком историко-геополитическом контексте, с учетом роли иностранных государств в его политической биографии. В январе 1919 г. для делегации США на Парижской конференции была подготовлена географическая карта «Предлагаемые границы России». Они прочерчены таким образом, что за пределами России оказывались не только Польша, Прибалтика и Финляндия, но и часть территории Кольского полуострова и Карелии, Украина, значительная часть Белоруссии, Закавказье, вся Средняя Азия, Сибирь, а также ряд других областей. Восточная граница России на этой карте проходила по Уралу [10, с. 6–7]. С историко-геополитического осмысления выбор в годы гражданской войны был не между красными и белыми, а между Россией и иностранной интервенцией.

В рамках такой интерпретации будут понятны современные субъекты, а также их цели и усилия, направленные на политико-правовую реабилитацию «Верховного правителя». Поскольку история есть поли-

тика, обращенная в прошлое, то силы, контролирующие информационное пространство, всегда будут стремиться переписать ее в своих интересах.

При этом вопрос о доверии к советской историографии имеет под собой определенные основания. Интерпретация исторических событий только с классовых событий имеет свои плюсы и минусы. Воссоздав достаточно объективную историю гражданской войны, советские историки затем мало что сделали, чтобы эта история была убедительна и для новых поколений советских граждан. Эта история являлась вполне достоверной для поколения, которое являлось свидетелем и практическим участником событий революции и Гражданской войны. И известная песенка о Колчаке, как носителе интересов иностранных государств, получила широкое распространение неспроста. Требовалось постоянно держать в поле зрения этот исторический контент, чтобы противостоять различным фальсификаторам истории. Односторонняя трактовка событий с позиций исторического материализма, имевшая порой откровенно вульгарный характер, этому не способствовала.

Впрочем, тот образ Колчака, который был сформирован в период его политической деятельности и который в настоящее время пытаются реабилитировать, вряд ли можно признать удачным. Исследователи отмечают, что формирование этого образа началось еще во время службы на КВЖД, и к его формированию приложил руку сам вице-адмирал Колчак. Речь идет о достаточно пространным интервью, которое дал Колчак корреспонденту В.О. Риссу, воспроизведенное затем рядом дальневосточных газет, а также его программной статье в газете «Голос Приморья» под названием «Единоличная власть» [8, с. 51]. Все дальнейшие материалы и листовки о нем развивали сформулированные тезисы в газетных публикациях 1918 г. Это образ человека необычайной судьбы и исторического предназначения. Нет никакого сомнения, что образ формировался не без личного участия Колчака. На сегодня выявлено одиннадцать таких пропагандистских материалов о Колчаке, в которых предпринята попытка оформить определенный иконостас «Верховного Правителя» в глазах населения. Размеры листовок и брошюр о Колчаке существенно различались — от семисот слов до шестидесяти тысяч [Там же, с. 59]. Наиболее объемная и известная 38 страничная брошюра С.А. Ауслендера «Верховный правитель адмирал А.В. Колчак», изданная почти сотысячным тиражом [2]. С одной стороны, образ римских диктаторов, которым, как утверждалось в пропагандистских брошюрах, Колчак соответствовал даже чертами своей внешности, не увязывался с его политической платформой построения «демократической России».

Осенью 2019 г. в Париже родственниками А. Колчака были проданы хранившиеся в семье письма Колчака своей жене Софье и любовнице

А. Тимиревой, которым он писал регулярно. Среди документов сохранилась рукопись прокламации Временного правительства с исправлениями Колчака: «Сибирское правительство приняло на себя задачу ввести воссоединившуюся и возрожденную Россию в круг великий демократий мира» [5, с. 26; 7, с. 7].

Трудно объяснить, как можно спасти российскую демократию через военный переворот и диктатуру. С другой стороны, этот идеализированный и противоречивый образ отдалял Колчака как от населения, так и своего войска. В этом образе было больше трагичного и одинокого, чем того, что было способно воодушевить армию, объединить ее с населением, преодолеть противоречия среди командного состава, наполнить смыслом деятельность гражданской администрации. Это лишь подтверждает, что «величие Колчака» есть пропагандистский миф, а на практике все свелось к роли статиста событий, без способности реально повлиять на их ход. И это убедительно подтверждают документы, представленные антибольшевистскими силами.

Советский период отечественной истории подвергся фундаментальной дискредитации, поэтому для идейных антисоветчиков факты и документы о Колчаке, почерпнутые из советской историографии, не являются серьезным аргументом. Целью данной статьи является частичное воспроизведение исторического контента деятельности колчаковского правительства и образа самого «Верховного правителя» через призму свидетельств антибольшевистских сил, в том числе и тех, кто входил в верхний эшелон его администрации. Самым важным здесь является то, что свои оценки они давали не через 100 лет после окончания Гражданской войны, а непосредственно в ходе событий или спустя год-полтора после их завершения. Поэтому их наблюдения, выводы, суждения должны либо опровергать советскую историографию, либо подтверждать. Нынешние сторонники колчаковщины могут не воспринимать аргументацию современных исследователей, но если они не воспринимают свидетельства входящих в ближайшее окружение Колчака в качестве важного источника, то это к исторической науке никакого отношения уже не имеет.

Процесс консолидации разнородных политических сил для борьбы с взявшими власть большевиками был очень сложным. Только 23 сентября 1918г. на совещании в Уфе, в котором принимали участие делегации областных правительств Урала, Сибири, Поволжья, а также члены Учредительного собрания, представители политических партий и общественных организаций, удалось согласовать позиции и создать Временное Всероссийское правительство. Правительство наделялось всей полнотой власти, являлось коллективным диктатором (Директорией) на освобожденной от большевиков территории. Местом своей дислокации

«по соображениям военно-стратегического характера» оно избрало Омск. Там уже действовало Временное Сибирское правительство, и его работоспособный аппарат можно было использовать в своих целях.

Совершенный 18 ноября 1918 г. военный переворот и переход верховной государственной власти к А.В. Колчаку вызвал в антибольшевистском лагере на востоке России глубочайший кризис. Антибольшевистский лагерь размежевался на сторонников и противников военной диктатуры, меньшевики и правые эсеры оформились в самостоятельную силу, противостоящую не только большевикам, но и колчаковскому режиму. Таким образом вместо консолидации политических сил, объединившихся для борьбы с большевиками, произошел их раскол и заметное уменьшение без того узкой социальной базы контрреволюции на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, располагавших к тому же ограниченными людскими ресурсами [8, с. 824]. Поскольку у Колчака не имелось никаких заслуг в борьбе с большевизмом, а также какой-либо политической силы, на которую он мог бы опираться, то объективно это повышало роль его иностранных союзников, позиции которых на фоне политического кризиса укрепились. Эти события и стали объектом анализа и оценок появившихся оппонентов Колчака.

Писали о Колчаке достаточно известные политические деятели того времени. По крайней мере, они были более искушенными и известными в политике личностями, нежели сам Колчак. Одним из них является Николай Дмитриевич Авксентьев (1878–1943), который занимал пост министра внутренних дел во Временном правительстве, а позднее был избран депутатом Учредительного собрания от Пензенской губернии. В сентябре 1918 г он стал во главе Временного Всероссийского правительства. После военного переворота **Колчак** разогнал эту структуру. Авксентьева арестовали, но закончил он свою жизнь благополучно за границей, в США. В сборнике документов «Государственный переворот Колчака в Омске 18 ноября 1919 г.», изданным В. Зензиновым в Париже в 1919 г., содержится интервью Н.Д. Авксентьева корреспонденту газеты «Нью Йорк Геральд». В нем изложена следующая интерпретация переворота Колчака: переворот совершили монархически настроенные офицеры, Колчак является куклой в их руках, и они намерены были заменить его на настоящего монарха. «Верховный правитель», с точки зрения Авксентьева, претендовать на подобную роль не мог [9, с. 9].

Конечно, на такую оценку могли оказать влияние политические пристрастия самого Авксентьева, который являлся членом Центрального комитета партии эсеров. Поэтому поддержать переворот, в результате которого на место Директории пришло правительство Колчака, он не может. При этом, как и Колчак, Авксентьев признает, что победить большевиков и «возродить демократию» можно только с помощью союзников,

поскольку невозможно рассчитывать на собственную армию. Но если Колчак оправдывал свои действия этими соображениями, то Н.Д. Авксентьев утверждает, что действия Колчака, наоборот, лишили антибольшевистские силы поддержки союзников. переворот разрушил единство России. Кому его не признал, Семенов объявил ему открытую войну и препятствовал подвозу военных припасов на фронт. В итоге вопрос о признании российского правительства союзниками, на который строила свои расчеты Директория, оказался отсрочен. Большевики же после колчаковского переворота приобрели статус политической силы, которая борется не с демократией, а с контрреволюцией [9, с. 9–10].

Вряд ли утверждение Авксентьева о влиянии военного переворота на позицию союзников соответствует действительности. Как Всероссийское временное правительство Авксентьева, так и администрация Колчака полностью зависели от «союзников». У «союзников» в отношении России были свои цели и интересы, они являлись основным политическим субъектом на территории Сибири и Дальнего Востока и определяли правила игры. О контактах Колчака с союзниками было хорошо известно. Благодаря их поддержке и прямому участию, он был провозглашен «Верховным правителем». Ближайший соратник Авксентьева по партии В.П. Зензинов, бывший также депутатом Учредительного собрания и членом Всероссийского временного правительства в статье «Правда о неправде» писал, что когда в начале ноября в Омске восстание попытались организовать эсеры и было распространено соответствующее воззвание, то именно к Авксентьеву явился английский генерал Нокс и заявил, что при таких условиях правительство лишается поддержки союзников и посоветовал расстрелять Чернова [9, с. 15]. Но отношение к перевороту Колчака у «союзников», как известно, было совсем иное.

Интересны в этом плане воспоминания полковника русской армии К. Гоппера, активного участника Первой мировой войны, трижды раненного, дважды георгиевского кавалера. Его перу принадлежит книга «Четыре разгрома Колчака». В период Директории он являлся комендантом ее штаба войск в Уфе. В Омск он прибыл в октябре 1919 г., когда уже начиналось бегство колчаковских войск. В составе французских войск К. Гоппер вскоре отбыл во Владивосток.

В публикации Гоппера обращает на себя внимание два обстоятельства. Так называемый военный переворот Колчака являлся хорошо спланированной акцией, в детали которой сам Колчак не был посвящен. Получив должность военного министра четвертого ноября, Колчак выехал из Омска в Екатеринбург и вернулся в канун так называемого переворота. Как только он был провозглашен «Верховным правителем», словно по волшебству полились неудержимыми потоком приветственные телеграммы. Доблесть Колчака превозносилась свыше всякой меры.

«Искусственность этой шумихи чувствовалась в каждой строчке приветствий...» [9, с. 52]. Если военный переворот являлся исключительно импровизацией Колчака, как он сам это объяснял, то в условиях политической неопределенности и острейшего политического противостояния вряд ли бы он его совершил, находясь далеко от места событий, не зная кадров, не имея политического влияния, и получил подобную информационную поддержку. Подобное возможно было спланировать и осуществить, реально контролируя политическое пространство. Такой силой за Уралом в это время были только так называемые «союзные войска». Следует напомнить, что Колчак не принимал до этого реального участия в каких-либо политических событиях. Летом 1918 г. в течение двух с половиной месяцев он спокойно отдыхает в Японии по приглашению помощника начальника Генерального Штаба генерала Г. Танака. Большую часть времени он проводит вместе с возлюбленной А.В. Тимиревой на курортах Атами и Никко. И только 16 сентября 1918 г. А.В. Колчак отплыл из Иокогамы во Владивосток [15, с. 774–776]. А через два месяца он провозглашается «Верховным правителем России». Партия большевиков также фантастически быстро завоевала власть, совершив военный переворот в октябре 1917 г. Но большевики жили в гуще политических событий, имели самую сплоченную партийную организацию, ярких лидеров, понятные для простого народа цели и соответственно широкую социальную опору. Поэтому «триумфальное шествие советской власти» явление не случайное. На кого мог опираться вице-адмирал Колчак, перешедший на военную службу Великобритании, и отдыхающий за два месяца до военного переворота в Омске на курортах Японии со своей возлюбленной? Достаточно напомнить, что из Японии во Владивосток А.В. Колчак добирается в сопровождении Ренью, возглавлявшего французскую «дипломатическую миссию» [1, с. 228]. А в октябре 1918 г. из Владивостока в Омск Колчак прибывает (или его доставляют?) с английским генералом Ноксом, являвшимся главой британской военной миссии на востоке России. После назначения его военным министром Всероссийского временного правительства, 9 ноября Колчак отбывает в Екатеринбург в вагоне, который прицепили к поезду английского полковника Д. Уорда. Это не поездка на фронт для встречи с войсками. В Екатеринбурге Колчак встречается с Р. Гайдой, возглавлявшим чехословацкий корпус, присутствует на устроенном Чехословацким национальным советом банкете. Затем встречается с сотрудником Чехословацкого агитационного отдела по текущим политическим проблемам [15, с. 804]. После этого А.В. Колчак вместе с Д. Уордом выехал в Челябинск, где встречается с начальником штаба Западного фронта и руководством отделения чехословацкого национального совета. После этого отправляется обратно в Омск. До фронта Колчак так и не добрался. Судя по всему,

англичане сделали ставку на Колчака, но им требовалось урегулировать отношения с Р. Гайдой, с чехословаками, являвшимися наиболее реальной военной силой за Уралом. При этом следует напомнить, что орден Георгия 3-й степени, который Колчак постоянно носил на шее, вручил ему чех Гауда. Подобной наградой царского правительства Колчак не был отмечен в годы Первой мировой войны [3, с. 38]. Свое жалование адмирал пересчитывает (или получает?) также на иностранные деньги. В письме к жене «Верховный правитель России» сообщает: «...мое жалование на иностранные деньги составляет 8000 франков в месяц...» [4, с. 9]. В другом письме Софье Федоровне он пишет: «Я перевел тебе 3 000 франков» [5, с. 26].

Поэтому, отмечаемая К. Гоппером «искусственность» возвышения Колчака, являлась хорошо продуманной и организованной союзниками операцией. Это находит подтверждение и в другом обстоятельстве, отмечаемом Гоппером. Было много фактов, свидетельствующих о том, что Колчак совершенно не понимал происходящего вокруг него и смотрел на вещи через ту призму, какую ему подносили его ближайшие сотрудники. Получить же доступ к Колчаку было почти невозможно. «Было много слухов, доказывающих, что адмирал вовсе не знаком с командным составом, вообще он чувствовал себя как в лесу, в который его завели нарочно. Таких фактов было очень много и поэтому я долго пытался объяснить его поведение затруднительным положением, в котором он очутился, так как не мог игнорировать той силы, с помощью которой он сам пришел к власти» [9, с. 56, 57].

Колчак не был самостоятелен в своих действиях и мог действовать только в тех рамках, которые были ему определены теми политическими силами, которые и осуществили данную операцию по устранению Всероссийского временного правительства. При этом на роль «Верховного правителя» они продвигают человека, не имеющих никаких заслуг в борьбе с большевизмом и весьма наивного в политике. Не мог специалист в области минных морских заграждений планировать масштабные сухопутные операции и осуществлять их, совершенно не зная и не разбираясь в военных кадрах.

Наиболее подробная характеристика Колчака содержится в дневнике генерал-лейтенант царской армии А.П. Будберга, управляющего военным министерством, а затем военного министра правительства Колчака. Будберг постоянно докладывал ему о состоянии на фронте, общался по другим вопросам и наблюдал Колчака непосредственно в процессе принятия решений. Он дает такую уничижительную характеристику Колчаку, которой даже не встретишь в работах советских историков 1920-х гг. Она сопровождается такими чертами Колчака как «ничего не понимает в сухопутном деле», «легко поддается советам и уговорам», «никнет и жа-

луется на отсутствие честных помощников», «болтается по воле тех, кто сумел приобрести его доверие», «бесхарактерность и отсутствие у него собственного мнения», «мечущийся мечтатель», «непрактичность и неподготовленность по большинству вопросов государственного и военного управления», «большой и больной ребенок», «несомненный неврас-теник», «живет миражами и навязанными идеями», «отсутствие твердых взглядов и твердой воли», «больной идеалист», «военного дела не знает совершенно», «безвольный, бессистемный и беспамятливый»; «непонимающий совершенно обстановки и неспособный в ней разобраться» и пр. [3, с. 37, 83, 108, 199, 332]. «По внутренней сущности, по незнанию действительности и по слабости характера он очень напоминает покойного императора», — подводит итог барон Будберг [3, с. 110].

Какие цели преследовали «союзники», продвигая Колчака на роль «Верховного правителя России»? С нашей точки зрения, в этом решении геополитические противники России преследовали две основополагающие цели. Через Верховного правителя они контролировали процесс принятия стратегических решений, позволяющих им вести войну «чужими руками». И второе обстоятельство, которое нужно учитывать, объясняя удивительное вознесение Колчака на политический олимп: прибытие в Омск золотого запаса российской империи. Именно это нужно рассматривать в качестве важнейшей причины стремительное продвижение Колчака к вершине власти.

Эшелон с золотом прибывает в Омск в ноябре 1918 г. И по времени это удивительно совпадает со следующими событиями. Примерно, в это же время, созданное в Уфе Временное Всероссийское правительство, местом своей дислокации выбирает Омск.

18 ноября Колчак, не имея никаких заслуг в борьбе с большевизмом, и только что прибывший в Омск, провозглашается «Верховным правителем» России. Утверждать, что переворот совершила кучка монархически настроенных офицеров, до появления Колчака в Омске ничего о нем не знавших, слишком наивно. Такие действия могла осуществить политическая сила с мощными ресурсами в лице «союзников».

Интерес союзников был связан не только с нежеланием иметь сильное консолидированную власть в Сибири и вести войну против России «чужими руками», добываясь ее максимального истощения через разжигание гражданской войны, но и с планами в отношении золотого запаса, оказавшегося в Омске. Еще царское правительство переправило в Лондон 440 т золота, в счет которого были открыты кредиты на приобретение вооружения и обмундирования для действующей армии [14, с. 162–163]. В условиях Гражданской войны обеспечить войска противников большевиков вооружением и обмундированием и отчасти питанием могли только бывшие союзники по Антанте. Временное Всероссийское

правительство в Омске имело основания потребовать пролонгировать выполнение обязательств, взятых перед царским правительством союзниками, что совсем не отвечало интересам последних. Привод к власти Колчака и свержение Всероссийского Временного правительства означало, что возобновить поставки под золото царского правительства в таких условиях было невозможно. Власть диктатора, именуемая «Верховным правителем», не могла претендовать на правопреемственность царского и Временного правительства. В этой ситуации снабжение армии Колчака могло осуществляться только за счет золотого запаса, оказавшегося в Омске. Пока «союзники» контролировали ситуацию через Колчака, 193,049 т (37 %) золотого запаса российской империи, оказавшегося в Омске было переправлено во Францию, Англию, США и Японию [14, с. 170].

Есть еще одно важное свидетельство явной зависимости и несамостоятельности Колчака как «Верховного правителя». Речь идет о контроле за транспортными коммуникациями. Основной транспортной артерией, соединяющей различные регионы Сибири и Дальнего Востока, а также с Владивостоком, через который могли идти потоки помощи для белого движения, являлась транссибирская железная дорога. Только контроль за ней обеспечивал мобильную переброску войск в различных направлениях и минимально эффективную хозяйственную деятельность. Поэтому говорить о реальной власти «Верховного правителя», потенциальных возможностях белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке вне анализа этого аспекта также невозможно.

В 1923 г. в Мюнхене вышла в свет книга генерала К.В. Сахарова «Белая Сибирь». Отмечая огромное значение железнодорожной магистрали для колчаковских войск от Владивостока до Омска, он пишет: «И вот здесь создалась главная помеха: почти с самого начала был образован из представителей всех «союзных» держав железнодорожный комитет, который взял на себя явочным порядком регулировку вопросов эксплуатации дороги и движения на всем участке от Омска до Владивостока. Главная роль в нем принадлежала американским и английским инженерам... Русскому министру сообщения путей приходилось подчиняться» [9, с. 87]. Приводит он и конкретные факты этой зависимости. За чешскими дивизиями (на 50 тыс. чехов) числилось больше 20 000 вагонов, поляки захватили более 5000 вагонов. Были собственные поезда у румын, итальянцев. Железнодорожной администрации приходилось изворачиваться оставшимся количеством вагонов. Поезда Жанена, Нокса, Павлу, разных высоких «комиссаров» поражали своей роскошью. Они были составлены из лучших вагонов, с кухнями, ваннами, электричеством. «Только японцы не имели в бедной России роскошных поездов» [9, с. 88–89]. Интервенты поделили между собой не только товарный

состав, но и контроль за дорогой. От Владивостока до Читы ее контролировали японцы, около Байкала небольшой участок — американцы, далее немного румыны, Иркутск-Омск-Томск — чехи, Алтайская железная дорога находилась под контролем 5-ой польской дивизии. В итоге армия Колчака не получила и не могла получать ни пополнения, ни одежды, ни теплых вещей. Чего после этого стоят все политические декларации «Верховного правителя» о его стремлении поставить Россию в ряд «передовых демократий». Это «суверенная демократия» с английским, американским, чехословацким, японским и французским флагом на окнах штабного вагона Колчака. Как отмечал в своих воспоминаниях голландский военный корреспондент Л. Грондейс, неоднократно лично встречавшийся с адмиралом, «он был верховным правителем только по названию... падение было естественным концом этого режима» [6, с. 392–393].

Управляющий военным министерством А.П. Будберг писал в своем дневнике: «Наши несчастные дороги стонут от экстренных поездов... Гайды, разных чешских начальников, высоких комиссаров и прочих спасателей» [9, с. 127]. «Скудость подвоза усугубляется обращением на линии союзных эшелонов и союзных поездов, при чем своего подвоза союзники ни в коем случае сократить не желают, свою порцию графика выделяют в первую очередь, а нам оставляют огрызки; ясно, что при таких условиях совершенно невозможно образование каких-либо запасов... Хозяевами дороги являемся не мы, а многочисленные союзные опекуны, и в первую очередь идут поезда чешские, польские междусюзные, а восточнее Байкала — японские. Нам же остаются только объезды» [Там же, с. 141, 149]. По сводкам колчаковской ставки на довольствии на конец мая 1919 г. состояло 800 тыс. чел. Наладить снабжение этого огромного войска, не контролируя железную дорогу, было невозможно.

Барон Бунберг очень точно своими формулировками отражает существующую реальность, когда пишет о трагическом бессилии верховной, по названию, власти и верховного, по званию, командования, вынужденных советоваться с иностранцами и не имеющих реальных средств заставить выполнять свою волю [9, с. 142]. Контроль над основной транспортной коммуникацией позволял разношерстному иностранному войску заниматься основательным грабежом на подконтрольной им территории. Бунберг в дневниковой записи от 14 июня 1919 г. отмечает: «Сейчас чехи таскают за собой около 600 груженных вагонов, очень тщательно охраняемых... По данным контрразведки эти вагоны наполнены машинами, станками, ценными металлами, картинами, разной ценной мебелью и утварью и прочим добром, собранным на Урале и в Сибири» [Там же, с. 147].

Об этом же пишет один из самых влиятельных членов колчаковского правительства Г.К. Гинс в книге «Сибирь, союзники и Колчак», изданной в 1921 г., пекинским издательством «Общество возрождения России»: «Чехи совершенно вышли из роли иностранных войск, охраняющих дорогу, и перешли на роль хозяев транспорта... для своих целей» [Там же, с. 188].

Один из наиболее влиятельных деятелей ставки Колчака генерал-лейтенант К.В. Сахаров подвел итог отношениям с «союзниками» следующим образом: «Только благодаря «союзникам» национальное русское движение потерпело крах; «союзникам» до России не было никакого дела, — более того, — национальное возрождение России для них явилось нежелательным, как что-то враждебное, опасное» [12].

Интересна также точка зрения антибольшевистских политических деятелей на внутреннюю политику Колчака. Основным вопросом российской революции являлся земельный вопрос. Д.Ф. Раков, арестованный вместе с другими деятелями Директории в Омске после переворота 18 ноября, в частном письме, адресованном Роговскому, отмечал, что земельная политика колчаковского правительства свелась к восстановлению полностью без ограничений власти помещиков там, где таковые когда-то были, например, в Уфимской губернии. «Колчаковский режим лишает армию тыла и делает ее недееспособной» [9, с. 43].

В таких условиях армия Колчака лишалась социальной опоры, а рост грабежей выливался в вооруженное сопротивление. Для борьбы с партизанами применялся самый легкий путь. Производилась экзекуция целых деревень и волостей. За непоимку «разбойников-большевиков» сжигались дотла села. «Огромные, растянувшиеся на несколько верст села, представляли сплошные развалины, с торчащими кое-где обуглившимися, полусгорелыми домами. Крестьянское население таких сел разбрехалось и было обречено на нищету, голод и смерть» [9, с. 84]. Как пишет генерал К.В. Сахаров, не оставались в стороне и «союзники» Колчака. Карательные экспедиции против сибирских сел устраивали чехи и поляки [Там же, с. 90]. Один из вождей белого движения монархист Шульгин отмечал впоследствии, что белое движение было начато почти что святыми, а закончили его почти что разбойники [13, с. 110].

В письме супруге Софье от 16 сентября 1919 г. Колчак пишет: «... проклятое пятно большевизма будет стерто как грязь с лица русской земли — я все-таки положил хорошее для этого основание, и десятки тысяч предателей уже не воскреснут» [4, с. 9]. Колчак, который скоро станет убегать со своей свитой на пяти поездах под флагами «союзников», предателями считает тех, кто борется против оккупационных войск и их ставленников. Очевидно, именно это и является основанием для отказа в реабилитации Колчака. Сначала в этом было отказано в 1999 г.,

затем в 2017 г. было принято еще одно подобное решение.

В заключении отметим, что отношение к колчаковскому режиму, которое сложилось по итогам его годового «Верховного правительства» и зафиксированное в исторической литературе, никак не соответствует тому образу, который стремятся навязать в настоящее время. При этом подчеркнем, что об этой стороне действительности свидетельствуют непосредственные участники событий, являющиеся активными политическими противниками большевиков.

Список использованной литературы и источников

1. Адмирал Колчак. Протоколы допроса. С предисловием Николая Старикова [Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии (21 января — 6 февраля 1920 г.)]. — Санкт-Петербург : Питер, 2015. — 272 с.
2. Ауслендер С. А. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак / С. А. Ауслендер. — Омск : [б. и.], 1919. — URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000548343> (дата обращения 12.01.2020)
3. Будберг А. Дневник белогвардейца / А. Будберг // Военная литература (Дневники и письма). — URL: <http://militera.lib.ru/db/ budberg/03.html> (дата обращения 22.01.2020).
4. Ганин А. Вернуть золото Колчака! / А. Ганин // Российская газета. — 2019. — 20 нояб. — С. 9.
5. Гринева М. Возвращение адмирала / М. Гринева // Огонек. — 2019. — № 47. — С. 26–27.
6. Грондейс Л. Война в России и Сибири / Л. Грондейс. — Москва : Политическая энциклопедия, 2018. — 455 с.
7. Емельяненко В. Лот истории / В. Емельяненко // Российская газета. — 2019. — 25 ноября. — С. 7.
8. Журавлев В. В. Герой как чужой: некоторые наблюдения над имагографией А.В. Колчака / В. В. Журавлев // Новое прошлое. — 2019. — № 1. — С. 48–69. — URL: <https://newpast.sfedu.ru/archive/geroy-nashego-vremeni-1-2019/geroy-kak-chuzhoj-nekotorye-nablyudeniya-nad-imagografiy-a-v-kolchaka/> (дата обращения 14.02.2020).
9. Колчаковщина. Гражданская война в Сибири / под ред. Г. Вендриха. — Иркутск : Провинция, 1991. — 224 с.
10. Кунина А. Е. Об одной забытой географической карте России / А. Е. Кунина // Европейские исследования в Сибири : Материалы регион. науч. конф. 10–11 дек. 1999 г. — Вып. 2. — Томск : Изд-во Том. Ун-та, 2000. — С. 3–13.
11. Лapidус М. Судьба золотого запаса царской России / М. Лapidус, Ю. Головин // Вестник. — 1999. — № 23 (230), 24 (231). — URL: <http://www.vestnik.com/issues/1999/1109/win/lapidus.htm> (дата обращения 23.01.2020).
12. Сахаров К. В. Белая Сибирь. Внутренняя война (1918–1920 г.) / К. В. Сахаров. — Мюнхен, 1923. — 324 с. — URL: <http://white-force.ru/publ/12> (дата обращения 17.02.2020).

13. Свириденко Ю. П. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–1945 гг. / Ю. П. Свириденко, В. Ф. Ершов. — Москва : МГУ, 2000. — 198 с. — URL: <http://leninism.su/lenin-now/4278-sbornik-dokladov.html?start=22> (дата обращения 05.01.2020).

14. Шалак А. В. Иркутская история золота Российской империи / А. В. Шалак // Историко-экономические исследования. — 2019. — Т. 20, № 2. — С. 155–175.

15. Шишкин В. Адмирал А.В. Колчак: на пути к военной диктатуре (19 сентября — 18 ноября 2018 г.) / В. Шишкин // Голоса Сибири: литературный альманах. — 2007. — Вып. 6. — С. 773–824. — URL: http://golosasibiri.narod.ru/almanah/vyp_6/043_007_kov_01.html.

Информация об авторе

Шалак Александр Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Shalakav@bgu.ru.

Author

Alexander V. Shalak — D.Sc. in History, Professor, Head of the Department of International Relations and Customs, Baikal State University, 664003, Irkutsk, 11 Lenin St., e-mail: Shalakav@bgu.ru.